

Стилистические особенности перевода русских народных песен на финский язык в романе А. К. Толстого «Князь Серебряный»

Семенов Михаил Николаевич

Студент (магистр)

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

E-mail: mik7s@mail.ru

Русские народные песни - это уникальное явление не только российской, но и мировой культуры. Обладая свободной рифмой они, между тем, исполнялись акапельно, без использования музыкальных инструментов и охватывали широкий спектр жизни народа, всюду сопровождая его: от рождения, в качестве колыбельных, до смерти, обретая форму плача. Они отражают мышление и мировоззрение народа. Потому этот вид исторических реалий является одним из самых сложных при переносе с одного языка на другой. Перед переводчиком ставится сложная задача - передать не только смысл песни, но и ее внутреннюю ритмику и, по возможности, ее ключевые черты.

В своей работе мы опирались на классификацию стилистических особенностей Д. Р. Тепшеевой, характерных для русских народных песен. К таким элементам можно отнести: аллитерацию, диссонанс, паронимическую аттракцию, синтаксический параллелизм, инверсию, лексический повтор [Тепшеева: 3527-3529].

В качестве примера, содержащего в себе целый ряд вышеописанных элементов, можно привести следующие строки из романа А. К. Толстого «Князь Серебряный»:

Ах, кабы на цветы да не морозы,

И зимой бы цветы расцветали;

Ах, кабы на меня да не кручина,

Ни о чем бы я не тужила. . . [Толстой 1986: 14].

Ah, jos ei pakkane kukkia pannut ois

Niin talvellakin ne kukkia vois;

Ja murhe mieltän ei murtaisi,

En mitäkään minä surisi. . . [Tolstoi 1890: 47].

Автор перевода стремится передать песенные мотивы оригинала доступными языковыми средствами. Перенос аллитерации оригинала - это достаточно сложное явление (*цвете-цвете*). Однако за счет того, что финский язык является агглютинативным языком, переводчик, используя сослагательное наклонение финского языка (*potentiaali*), показателем которого выступает аффикс *-isi-*, решает вопрос с аллитерацией. При этом переводчик располагает слова в форме сослагательного наклонения в конце строк песни, создавая рифму, отсутствующую в оригинале (*ois/vois, murtaisi/surisi*). В первых двух строчках примера для этого он использует разговорную форму слов, изменяя *olisi* на *ois* и *voisi* на *vois*. Также он меняет синтаксис, используя инверсию (*kukkia vois*); этот прием присутствует и в оригинале (*цветы расцветали*).

В то же время при переносе песен, где важной особенностью является лексический параллелизм и синтаксический повтор, автор нередко прибегает к дословному переводу:

Ест с тобой с одного блюда,

Пьет с тобой с одного ковша [Толстой 1986: 43].

Syöpi kanssasi yhdestä astiasta,

Juopi kanssasi yhdestä pikarista [Tolstoi 1890: 153].

В то же время переводчик нередко весьма вольно обращается с ритмикой, сокращая количество строк песни при переносе на финский язык, например:

*He uslyshal svekor-bat'yushka
He skazal by svoemu synu,
Svoemu synu, moemu muzhu!* [Толстой 1986: 14].
*Ei kuulisi appi-ukkoseni,
Sanoisi pojalleen, minun miehelleni!* [Tolstoi 1890: 47].

Стоит отметить и некоторые дополнения, которые использует переводчик. В первую очередь, это касается добавления слов, раскрывающих новые детали о предмете песни. Предположительно, эти добавления призваны помочь финскому читателю лучше понять контекст происходящего. Так, в следующем примере словосочетание *широкий двор*, разбитое на две строки для сохранения ритмики, в переводе превращается в два явления: *piha* 'двор' и *kartano* 'поместье':

*Пантелей-государь ходит по двору,
Кузмич гуляет по широкому. . .* [Толстой 1986: 14].
*Pantelei-herra pihalla k  y,
Laajalla kartanolla k  velee. . .* [Tolstoi 1890: 47].

В тех местах, где это уместно, переводчик использует аналогии при переносе: «*Баю-баюшки-баю, Баю, мое дитятко*» [Толстой 1986: 75]. Так, К. К. Саарикоски обращается к архитипичному колыбельному мотиву в Финляндии: «*Tuu, tuu, tuu, Tuu, tuu, lapseni*» [Tolstoi 1890: 270]. Также, в одной из песен, можно встретить характерную приветственно-величальную форму «*Ах ты гои еси*», которая используется не только для передачи речевых характеристик героев, но и выступает своеобразным рефреном в песне. Этот момент также был учтен переводчиком и для этого он использовал слово *voi*, которое является междометием в финском языке и на русский язык переводится как *ой, ах* или *ох*. При невозможности передать основу, переводчик все же сохраняет ритмику песни.

Переводчик дважды вводит в текст песен элементы финской языческой мифологии в лице духа леса Хийси. Причем, если в первом случае это оправдано, например: *Пошел, теть, к черту!* [Толстой 1986: 5] / *Mene hiiteen, appi!* [Tolstoi 1890: 11], то во втором случае он изменяет реальное географическое место «Поганая лужа» [Толстой 1986: 38] ныне известное, как «Чистые пруды» в Москве на «*Hiidenkuilu*» [Tolstoi 1890: 136], которое можно перевести, как «Бездна Хийси».

Переводчик К. К. Саарикоски использовал весь доступный ему языковой инструментарий при адаптации русских народных песен для финской аудитории. В большинстве случаев он не просто переносил смысл исходного материала, оперируя дословным переводом, а стремился сохранить лингвостилистические особенности песен. Из этого можно сделать выводы:

1. Финский язык, обладая относительно свободным синтаксисом, позволяет сохранять ритмику, а также приемы, используемые в оригинале, как, например, инверсия.
2. При переводе на финский язык невозможно передать слова с уменьшительно-ласкательным суффиксом, но в то же время употребление разговорной формы слова в финском языке позволяет придать тексту песни близость к народу.
3. Используя дословный перевод, переводчик прибегает к особенностям своей национальной культуры, используя адаптацию и, тем самым, выстраивая определенную связь между народами.

Источники и литература

- 1) Тепшеева Д.Р. Лингвостилистические особенности русской народной песни // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Том 14. Выпуск 11. С. 3526–3530.

- 2) Толстой А.К. Князь Серебряный. М., 1986.
- 3) Tolstoi A. Ruhtinas Serebrjani / venäjän kielestä suomentanut K. K. Saarikoski. Tampere, 1890.